

РОССИЯ В ВОЙНАХ ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XX ВЕКА

УДК 94(470+571)''1904/1905''

ПРОБЛЕМЫ ПОДГОТОВКИ ОФИЦЕРСКОГО КОРПУСА РОССИЙСКОЙ АРМИИ ПЕРЕД РУССКО-ЯПОНСКОЙ ВОЙНОЙ

И. В. Варзаков

Анализируются вопросы, связанные с подготовкой командного состава Российской армии в конце XIX – начале XX вв. На основе ранее не использовавшихся архивных материалов и опубликованных источников делается вывод, что проведенные в эпоху «Великих реформ» под руководством Д. А. Милютина преобразования положили начало созданию армии буржуазного типа.

Ключевые слова: Русско-японская война, офицерство, комплектование, военное образование, чинопроизводство.

В конце XIX – начале XX вв. самодержавие, несмотря на нерешенность внутренних проблем, проводило активную внешнюю политику. Включившись в борьбу за передел мира, Россия рвется в Китай. Колониальное соперничество привело, как известно, к столкновению с Японией. К этому времени японское правительство, опираясь на содействие Великобритании и других передовых держав, сумело создать мощные вооруженные силы. Подготовка войск и штабов велась на основе германской военной доктрины. Однако высшее российское руководство продолжало полагать, что «пройдет не одно столетие, прежде чем японская армия сможет оказаться на уровне самой слабой европейской армии» [Маннергейм, 1999, с. 22]. Большинство русских офицеров представляло себе грядущую войну не более чем простой экспедицией [Игнатьев, 1958, с. 141].

По количественным параметрам российский офицерский корпус не уступал японскому, в целом вооруженные силы России на Дальнем Востоке терпели поражения отнюдь не из-за малочисленности: за исключением боев за Порт-Артур, во всех основных сражениях (Ляоян, Шахэ, Сандепу, Мукден) на стороне русской армии был значительный перевес и в людях, и в артиллерии. В поисках причин неудач нужно обратиться к другим аспектам состояния вооруженных сил, офицерского корпуса и системы его комплектования.

Основным источником пополнения офицерского состава были учебные заведения. В XX столетии кадетские корпуса, реанимированные в угоду узкословным интересам дворянства, были уже явным анахронизмом. Русско-японская война вскрыла порочность системы комплектования офицерского корпуса через подобные учебные заведения. Участник боев в Маньчжурии констатировал, что среди бывших кадет встречается мало людей, чувствующих призвание к военному делу, и объяснял причины такого ненормального положения следующим образом: «Десяти лет отдают мальчика в кадетский корпус и тем наперед предопределяют его будущую карьеру. Для семнадцатилетнего мальчика, семь лет выдержанного в стенах кадетского монастыря, оставить верную проторенную дорогу и избрать для себя самостоятельный, рискованный путь не так-то легко. В результате вся масса кадет, за редкими исключениями, идет в военные училища и оттуда производится в офицеры. Первые годы после производства в офицеры проходят в наслаждении непривычной свободой, но затем для очень многих наступает разочарование, они чувствуют, что попали не на свою дорогу. Применяемая в корпусе военная дрессировка (причем, весьма слабая) не в состоянии возместить отсутствие призвания, подобно тому, как воспитание в гражданском учебном заведении не смогло заглушить в Скобелеве и Тотлебене вложенного в них самой природой влечения к военному делу. Итак, большинство офицеров русской армии поступает на военную службу, не имея никакого призвания к ней» [Мартынов, 2000, с. 313].

В рассматриваемый период нигде за рубежом закрытые военно-учебные заведения не имели такого доминирующего значения, как в России. Это относится и к Японии. В этой стране в начале XX в. существовала Центральная кадетская школа. Ежегодный выпуск не превышал 140 человек, которые в качестве унтер-офицеров распределялись по войскам и лишь после года службы посту-

пали в военные училища¹. В России же в то время было 27 кадетских корпусов, дававших ежегодно до 1200 выпускников. Воспитанниками кадетских корпусов, в основном, и комплектовались военные училища². Программы военных училищ в конце XIX – начале XX вв. не претерпели кардинальных изменений³. Пожалуй, главное, что упускалось из виду при подготовке юнкеров – это то, что им предстояло не только вести своих подчиненных в бой, но прежде – обучать и воспитывать их. Как подметил военный писатель Ельчанинов (Егор Егорович), из юнкера «...вырабатывали идеального по строю рядового. Даже не касаясь сложных вопросов воспитания солдат, училище не давало и тени самой элементарной практики в так называемом инструкторском отделе. Идеальный рядовой, делавший не менее идеально ружейные приемы, став офицером, не мог преподать солдату даже этого несложного отдела: не было метода, не было сноровки, не было умения говорить понятным солдату языком» [Егор, 1914, с. 184–186]. Между тем, в зарубежных армиях этой роли офицера придавалось большое значение⁴. Совершенно недостаточно в военных училищах уделялось внимания практической подготовке будущих офицеров. Из войск поступали нарекания, что выпускники военных училищ слабо разбираются в элементарных вопросах сторожевой и разведывательной службы, не умеют составить простое донесение, пренебрегают стрелковым делом и т.д.

Высшее военное образование в России на рубеже столетий находилось в неплохом состоянии, если принимать во внимание только количественные показатели. Но недостатки, которыми страдали военные училища, были в значительной мере свойственны и высшей военной школе: «Всем нововведениям тупо сопротивлялась старая профессура... Бой – конечная цель военных операций – рассматривался только в конце курса. При этом никогда не учитывалась инициатива противника. С самым боем, с его бесчисленными перипетиями и неожиданными сюрпризами, нашему выпуску академии пришлось познакомиться значительно позже, непосредственно на тяжелом опыте русско-японской войны. Даже такое могучее средство боевого воспитания, как военная игра, совсем не практиковалось в академии... Мы вызубривали все строевые и полевые уставы европейских армий. Одного мы только никогда не касались – человеческого материала. Что представляли собой немецкие солдаты, австрийские унтер-офицеры, французские офицеры – мы понятия не имели. Впрочем, о японской армии мы вообще не имели представления» [Игнатьев, 1958, с. 98–106].

Военные академии, при всех их недостатках, все-таки давали определенную подготовку части старших офицеров. Гораздо хуже было то, что большинство такой подготовки не получало вообще. Как писал впоследствии генерал Деникин, «начальник, начиная с должности командира полка, мог пребывать спокойно с тем научным багажом, который был вынесен им когда-то из военного или юнкерского училища, мог не следить вовсе за прогрессом военной науки и никому в голову не приходило поинтересоваться его познаниями» [Зайончковский, 1981, с. 173]. Хроника XIX–XX вв. показывает, что Россия, как, впрочем, и ряд других государств, воевала дважды на протяжении жизни одного поколения (1828–1853–1877–1904). Таким образом, дважды приходилось воевать многим офицерам: в молодости и под старость, в малых и больших чинах. Вторая половина их карьеры являлась обычно осторожной и расчетливой реализацией боевых заслуг молодости. Между тем на руководящих постах требуется храбрость иного рода, в известной степени большая, чем храбрость под огнем – храбрость ответственных решений. Но достигший высоких чинов офицер, зная рискованность принципиальных позиций в беспринципном окружении, очень часто, к сожалению, превращал службу в служение собственному благополучию.

В качестве иллюстрации можно привести высказывание генерала Левестама, участника русско-японской войны: «Главный виновник всего – Георгиевский крестик! Получил я его давно, молодым подпоручиком на Кавказе, в турецкую войну. Был назначен в прикрытия артиллерии, и весь мой подвиг заключался в том, что я не обращал внимания на турецкие ядра и проходил спокойно с одной стороны батареи на другую. Ну, потом благодаря крестикку быстро продвигался по службе, обзавелся семьей, командовал полком и устроился начальником Тифлисского военного госпиталя – казенная квартира, райское место. И зачем нужно было меня с него трогать? Так вот из-за этого самого крестика главный штаб назначил меня – как боевого генерала – начальником Сибирской резервной бригады. А тут война, развернули нас в дивизию, в шестнадцать батальонов, – шутка ли сказать! Придали артиллерию, парки, обозы. Загнали в эти проклятые горы. Уверяю вас, что на Кавказе я куда лучше во всем разобрался» [Игнатьев, 1958, с. 182–183].

Таким образом, чинопроизводство по выбору начальства отнюдь не гарантировало комплек-

тования командного состава соответствующими кадрами даже в том случае, если критерии выбора выглядели вполне разумными. Что же говорить о тех офицерах, которые двигались по службе благодаря протекции, что вовсе не было редкостью?

Параллельно с этим порядком действовала система чинопроизводства за выслугу лет. Однако на рубеже столетий произошла своего рода закупорка каналов служебного роста. В частности, сказывалось отсутствие больших войн на протяжении более четверти века, несовершенство системы пенсионного обеспечения, побуждавшее пожилых офицеров не спешить с выходом в отставку.

«Остающиеся в строю ротные и батальонные командиры, – писал Геруа, – в громадном большинстве, как люди, потерявшие всякую надежду на служебное повышение и на расширение сферы деятельности, принадлежат к инертной и безучастной массе дослуживающих и доживающих. Именно этим объясняется полная бесплодность мер, принимаемых для поддержания на должной высоте военной подготовки...» [Геруа, 1998, с. 82]. Система чинопроизводства, установившаяся в передовых зарубежных армиях, в частности, германской и японской, имела ряд преимуществ, начиная с того, что первый офицерский чин давался там, как правило, со строгим разбором [Редигер, Добровольский, Муромский, 2000, с. 19; Японский..., 1972, с. 62; Германия..., 1915, с. 12]. С самого начала служебной карьеры аттестация офицера разрабатывалась весьма подробная и всесторонняя, причем с участием не только начальства, но и коллег⁵. «Если при аттестации офицера в общем выводе не получается убедительное подтверждение полной его надежности, он, несмотря на безукоризненное поведение и аккуратное, с формальной стороны, исполнение служебных обязанностей, так долго остается в занимаемом чине (хотя бы первом), пока не заслужит внушающей доверие аттестации. За границу совершенно немыслимо производство офицера в следующий чин за выслугу лет, не смотря на его характер, образ мыслей, неровное часто отношение его к службе...» [Червинка, 2000, с. 189]. Избежать закупорки каналов для служебного роста, подобной российской, помогали продуманные пенсионные уставы. Так, в Германии выслуга лет начиналась уже после 10 лет службы, что давало возможность «в каждый данный момент, без всякого сострадания, удалять из армии непригодных для нее офицеров»⁶. В российских же вооруженных силах поневоле приходилось терпеть нередко совершенно неподходящий элемент.

Таким образом, к началу русско-японской войны в системе комплектования отечественного офицерского корпуса произошла консервация пережитков прошлого и проявились не отмеченные прежде негативные тенденции. Наряду с другими причинами, в первую очередь морально-политическими (непопулярность войны, отсутствие у личного состава армии должной мотивации), это привело Российскую империю к тяжелому поражению.

Примечания

¹ РГВИА. Ф. 451. Оп. 1. Д. 27123. Л. 4.

² По данным «Всепопданнейших отчетов Военного министерства».

³ РГВИА. Ф. 725. Оп. 1. Д. 1131. Л. 9.

⁴ РГВИА. Ф. 451. Оп. 1. Д. 23007. Л. 1; РГВИА. Ф. 432. Оп. 1. Д. 69. Л. 3.

⁵ РГВИА. Ф. 432. Оп. 1. Д. 1. Л. 118; Д. 257, Л. 36; Ф. 451. Оп. 1. Д. 78648. Л. 4.

⁶ РГВИА. Ф. 432. Оп. 1. Д. 1. Л. 63.

Библиографический список

Германия: военная энциклопедия. Изд. Т-ва Сытина. СПб., 1915.

Геруа А. В. К познанию армии // Военно-исторический журнал. 1998. № 3.

Егор Егорович. Третий сборник. (Армейские рассказы, очерки, шаржи). СПб., 1914.

Зайончковский П. А. Самодержавие и Русская армия на рубеже XIX–XX столетий // Вопросы истории. 1981. № 3.

Игнатъев А. А. Пятьдесят лет в строю. М., 1958.

Маннергейм К. Г. Мемуары. М., 1999.

Мартынов Е. Назревшие реформы // Офицерский корпус России. Опыт самопознания. М.: Изд. Воен. университета, 2000.

РГВИА. Ф. 432. Оп. 1. Д. 1, 69, 257; Ф. 451. Оп. 1. Д. 23007, 27123, 78648; Ф. 725. Оп. 1. Д. 1131.

Редигер А., Добровольский А., Муромский В. Офицер // Там же.

Червинка Я. Военная карьера у нас и за границей // Там же.

Японский милитаризм: военно-историческое исследование / под ред. Е. М. Жукова. М., 1972.

Дата поступления рукописи в редакцию: 21.04.2010